

06. 11. 98

Пастернак Борис

«...И пересылает свою пачкотню за границу»

Началось, как и всегда, с записки КГБ в ЦК КПСС. В ней сообщалось, что Пастернак написал идеологически вредный роман, который писатель собирается опубликовать на Западе. В то время любая публикация на Западе, кроме статей, подготовленных в самом КГБ, приравнивалась к враждебному действию. После кагэбистской записки ЦК поручил всем своим подразделениям заняться Пастернаком и его романом.

7 декабря 1957 года Константин Симонов — главный редактор журнала «Новый мир» — направляет в ЦК письмо:

«В связи с выходом в Италии романа Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго» (Роман Б.Пастернака «Доктор Живаго» в переводе П.Цветеремича был выпущен миланским издательством Дж.Фелтринелли в конце 1957 г. — А.Я.) прошу рассмотреть следующее предложение:

В первых числах сентября 1956 года пять членов редакционной коллегии журнала «Новый мир» (Федин, Лавренев, Агапов, Кривицкий, Симонов), прочитав предложенную журналу рукопись романа Пастернака, написали автору письмо, в котором подробно излагались мотивы безоговорочного отклонения рукописи...

Мне кажется, что в этих условиях было бы целесообразно, чтобы один из беспартийных писателей старшего поколения, подписавший в свое время письмо Пастернаку, К.А. Федин или Б.А. Лавренев, передал от себя, для опубликования в итальянской коммунистической или социалистической печати, письмо Пастернаку, выражавшее мнение о его романе, сложившееся полтора года назад у нескольких известных советских писателей. Мне кажется, было бы особенно хорошо, если бы это мог сделать К.А. Федин, в свое время не только участвовавший в коллективном редактировании этого письма, но и своей рукой вписавший в него несколько наиболее резких страниц...

В 1956 году письмо, о котором идет речь, было направлено в ЦК КПСС, его читал отдел культуры ЦК КПСС, читали секретари ЦК КПСС товарищ Сулов и товарищ Поспелов, и содержавшаяся в письме критика романа Пастернака была сочтена правильной...

А вот письмо Бориса Полевого в ЦК КПСС от 17 сентября 1958 года.

«Через писателей-друзей Запада Союз писателей СССР уже давно был осведомлен, что связанные с Соединенными Штатами реакционные силы, действующие в комитете по Нобелевским премиям, предполагают в пику Советскому Союзу дать премию по литературе Борису Леонидовичу Пастернаку за его творческую деятельность, а также за его не опубликованный в Советском Союзе, но широко и сенсационно публикующийся в западном мире роман «Доктор Живаго». Друзья предупреждают, что из этого на Западе может быть сделана новая антисоветская сенсация, поводом к которой будут разговоры об отсутствии свободы творчества в Советском Союзе, о зажиме из политических соображений ряда писателей и т.д.

Ставя Центральный Комитет в известность об этом, хотелось бы получить указание, какую позицию мы должны заранее занять в этом вопросе и какие меры нам следовало бы предпринять». (ЦСХД, ф.5, оп. 36, д. 61, л. 39, 40).

Записка Поликарпова Сулову (Дмитрий Поликарпов в 1955 — 1962 гг. возглавлял отдел культуры ЦК КПСС. — А.Я.) (датируется по делопроизводственной пометке — ранее 25 октября 1958 года. (ЦСХД, ф.5, оп. 36, д. 61, л. 64 — 65).

«Михаил Андреевич! К.А. Федин

40 лет назад Союз советских писателей исключил Бориса Пастернака из своих рядов. В стихотворении «Нобелевская премия» Пастернак писал: «Я пропал, как зверь в загоне. Где-то люди, воля, свет, А за мною шум погони, Мне на волю хода нет...» Эта позорная история подробно описана в новой книге академика Александра Николаевича Яковлева «Крестосев», которая сейчас готовится к печати. Публикуем в сокращенном виде главу из этой книги — в основном документы.

осуществил разговор с Пастернаком. Между ними состоялась часовая встреча. Поначалу Пастернак держался воинственно, категорически сказал, что не будет делать заявления об отказе от премии и могут с ним делать все, что хотят. Затем он попросил дать ему несколько часов времени для обдумывания позиции. После встречи с К.А. Фединым Пастернак пошел советоваться с Всеволодом Ивановым. Сам К.А. Федин понимает необходимость в сложившейся обстановке строгих акций по отношению к Пастернаку, если последний не изменит своего поведения.

Вторая записка Поликарпова, направленная в тот же день.

«Михаил Андреевич! К.А. Федин сообщил сейчас по телефону, что в условленное с ним время Пастернак не пришел для продолжения разговора. Это следует понимать так, что Пастернак не будет делать заявления об отказе от премии».

И тем не менее 29 октября 1958 г. Б.Л.Пастернак послал в Шведскую Академию наук телеграмму:

«Ввиду того значения, которое приобрела присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я вынужден от нее отказаться. Не примите в обиду мой добровольный отказ».

Письмо Пастернака в президиум Союза писателей СССР от 27 октября 1958 года (АП РФ, ф.3, оп.34, д.269, л.58 — 59):

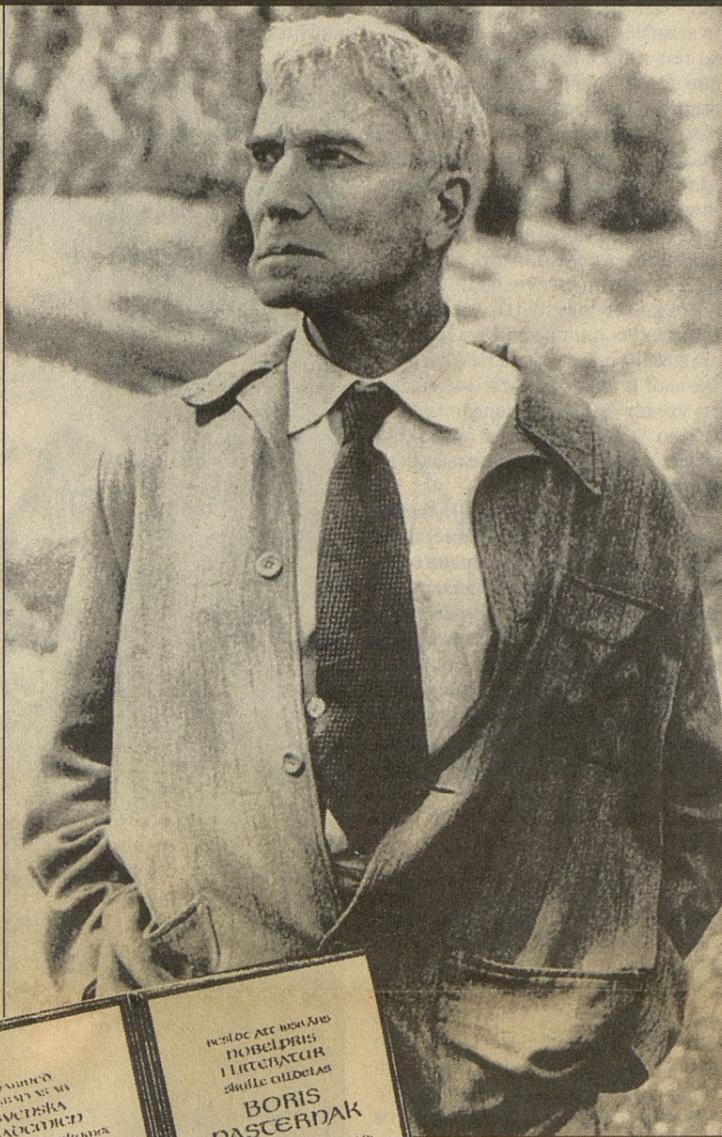
«...Я еще и сейчас, после всего поднятого шума и статей, продолжаю думать, что можно быть советским человеком и писать книги, подобные «Доктору Живаго». Я только шире понимаю права и возможности советского писателя и этим представлением не унижаю его звания... Я думал, что радость моя по поводу присуждения мне Нобелевской премии не останется одинокой, что она коснется общества, часть которого я составляю. В моих глазах честь, оказанная мне, современному писателю, живущему в России, и, следовательно, советскому, оказана вместе с тем и всей советской литературе. Я огорчен, что был так слеп и заблуждался.

По поводу существа самой премии ничто не может меня заставить признать эту почесть позором и оказанную мне честь отблагодарить ответной грубостью. Что же касается нежной стороны дела, я могу попросить Шведскую Академию внести деньги в фонд Совета Мира, не ездить в Стокгольм за ее получением или вообще оставить ее в распоряжении шведских властей...

Я жду для себя всего, товарищи, и вас не обвиняю. Обстоятельства могут заставить вас в расправе со мной зайти очень далеко, чтобы вновь под давлением таких же обстоятельств меня реабилитировать, когда будет уже поздно. Но этого в прошлом уже было так много!! Не гордитесь, прошу вас. Славы и счастья вам это не прибавит».

Записка Поликарпова в ЦК от 28 октября 1958 года (АП РФ, ф.3, оп.34, д.269, л.53 — 57):

«...На собрании партийной группы 25 октября присутствовало 45

Борис Пастернак

Диплом лауреата Нобелевской премии

РСФСР, президиума Московского отделения Союза писателей и 19 членов Правления Союза писателей СССР и ревизионной комиссии. Не приехали на заседание 26 писателей. Из числа не приехавших на заседание не были по болезни тт. Корнейчук, Твардовский, Шолохов, Лавренев, Гладков, Маршак, Тычина; находятся в заграничной командировке тт. Бажан, Эрэнбург, Чаковский; на лечении в санатории — тт. Сурков, Исаковский, по занятости служебными делами т. Лацис; без указания причин тт. Леонов и Погодин. Не пришел также сказавшийся больным личный друг Пастернака писатель Всеволод Иванов.

Председательствовал на заседании тов. Тихонов Н.С.; с сообщением выступил тов. Марков Г.М.

На заседании выступило 29 писателей. В числе выступавших — видные беспартийные писатели тт. Тихонов Н.С., Соболев Л.С., Николаева Г.Е., Панова В.Ф., Ажаев В.Н., Чуковский Н.К., Антонов С.П. Выступавшие в прениях при полной поддержке и одобрении всех участников заседания разоблачали и гневно осуждали предательское поведение Пастернака. Они характеризовали Пастернака, как порвавшего с народом и страной перебежчика в лагерь врага. Говоря о морально-политическом падении Пастернака, его клеветническом сочинении, беспартийный писатель В. Ажаев заявил: «Мы с гневом и презрением осуждаем это враждебное нашему социалистическому делу и ху-

дожественно убогое, копейное сочинение. Мы осуждаем не совместимые со званием советского писателя поступки Пастернака, отдавшего свое злобное сочинение в чужие руки и ныне готового вприпрыжку бежать за «наградой»...

Беспартийная писательница Г. Николаева, характеризуя предательские действия Пастернака, заявила: «Я считаю, что перед нами — власовец». Касаясь вопроса о мерах по отношению к Пастернаку, она сказала: «Для меня мало исключить его из Союза, — этот человек не должен жить на советской земле».

Присутствовавший на заседании поэт С.М. Кирсанов, в свое время превозносивший Пастернака, не высказал своего отношения к обсуждавшемуся на заседании вопросу.

Присутствовавшие на заседании писатели единодушно приняли решение об исключении Пастернака из членов Союза советских писателей...

Письмо Федина Поликарпову от 28 октября 1958 года (ЦСХД, ф.5, оп. 36, д.61, л.4 — 46):

«Дорогой Дмитрий Алексеевич, сегодня ко мне, в 4 часа, пришла Ольга Всеволодовна (не помню ее фамилию, — друг Пастернака (О.В.Ивинская. — А.Я.) и в слезах передала мне, что сегодня утром Пастернак ей заявил, что у него с ней «остается только выход Ланна» (Е.Л.Ланн (1896 — 1958), советский писатель и переводчик. Он и его жена покончили жизнь самоубийством. — А.Я.). По словам ее, П. будто бы спросил ее, согласна ли она «уйти вместе», и она будто бы согласилась».

Из выступления Полевого на общемосковском собрании писателей 31 октября 1958 года:

«Я думаю, что изменника в холодной войне должна постигнуть соответствующая и самая большая из всех возможных мер. Мы должны от имени советской общественности сказать ему: «Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с вами одним воздухом». (Из стенограммы собрания.)

Записка Поликарпова в ЦК от 23 апреля 1959 года (ЦСХД, ф.5, оп. 36, д.61, л. 25 — 26):

«По сообщению ТАСС, французская буржуазная газета «Франс суар» напечатала интервью своего корреспондента с находящимся в Париже М. Шолоховым. В интервью говорится, что на вопрос корреспондента по поводу «дела Пастернака» М. Шолохов заявил: «Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать ее. Надо было, чтобы Пастернаку нанесли поражение его читатели вместо того, чтобы выносить его на обсуждение. Если бы действовали таким образом, наши читатели, которые являются очень требовательными, уже забыли бы о нем. Что касается меня, я считаю, что творчество Пастернака в целом лишено какого-либо значения, если не считать его переводов, которые являются блестящими». Что касается книги «Доктор Живаго», рукопись которой он читал в Москве, то это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа.

Считал бы необходимым в связи с этим поручить советскому послу во Франции проверить достоверность сообщения «Франс суар» и, если такое интервью имело место, обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам. Если сообщения газеты ложное, рекомендовать т. Шолохову опровергнуть его публично.

Проект телеграммы совпслу прилагается».